

PAUL MCAULEY

THE QUIET WAR

St. Petersburg
Fantastika Book Club Publishers
2018

ПОЛ МАКОУЛИ

ТИХАЯ ВОЙНА

Санкт-Петербург
«Издательство Фантастика Книжный Клуб»
2018

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
М 16

Paul McAuley
THE QUIET WAR

Copyright © Paul McAuley, 2009
First published by Gollancz, London
All rights reserved

Перевод с английского Надежды Алексеевой

Cover art by Jon Sullivan

ISBN 978-5-91878-245-3

© ООО «Издательство Фантастика
Книжный Клуб», 2018

*Расселу Шехтеру.
И, разумеется, Джорджине*

Герр доктор не очень-то разбирается в людях.
Уильям Голдинг. Свободное падение¹

¹ Пер. М. Шерешевской, С. Сухарева.

Часть первая

Первые ростки

1

Каждое утро ребята просыпались в 6:00, когда зажигали свет. Они принимали душ, одевались, заправляли кровати и наводили порядок в спальне, после чего один из чтецов всё проверял. На завтрак давали тарелку кукурузной каши-размазни и стакан зеленого чая. Парни рассаживались за длинным столом друг напротив друга. Ели быстро и молча — только и слышалось, как скребут по дну пластиковых тарелок пластмассовые ложки. Всего четырнадцать братьев — высоких, стройных, словно молодые деревца, бледных и голубоглазых. Когда они склонялись над скудной трапезой, их наголо бритые головы блестели в холодном свете ламп. В возрасте 2600 дней они полностью развились и сформировались, хотя заметны еще были следы юношеской угловатости. Все носили одинаковые серые хлопчатобумажные рубашки и брюки, на ногах — пластиковые сандалии. Спереди и сзади на рубашках значились красные цифры. Номера шли не по порядку: на ранних стадиях программы забраковали свыше половины изначального состава.

После завтрака ребят строили перед большим монитором в окружении чтецов и аватаров их преподавателей. На весь экран транслировали изображение флага — настоящего флага, заснятого где-то там, на Земле. Он слегка колыхался, словно на ветру, а зеленый цвет от стяга заливал лица ребят

и искорками плясал в их глазах. Парни стояли в два ряда, вытянувшись в струнку, каждый — прижав ладонь к груди, и произносили Клятву верности.

И так каждое утро. Одно и то же видео. Все так же колышется на ветру флаг, а в верхнем левом углу виднеется полоска лазурного земного неба.

Один из ребят — Дейв-8 — каждое утро искал глазами этот проблеск голубого неба. Порой он спрашивал себя, что думают его братья, испытывают ли они такую же непреодолимую тягу к миру, для защиты которого их создали и в котором им никогда не доведется побывать. Он ни разу не заговаривал об этом даже с лучшим другом — Дейвом-27. Любую мысль и любое чувство, которые хоть как-то намекали на то, что ты отличаешься от братьев, стоило держать при себе. Непохожесть — это слабость, а малейшее проявление слабости нужно пресекать. И все же в начале каждого дня Дейв-8 предвкушал, как он, пусть на несколько секунд, увидит полоску земного неба. Одного взгляда оказывалось достаточно, чтобы заставить его сердце трепетать от желания попасть туда.

Преподаватели и чтецы тоже приносили Клятву верности. Присутствовали отцы Алдос, Кларк, Рамес и Соломон — каждый в белой одежде, подпоясанный веревкой, рядом с ними — пластиковые оболочки аватаров, размером и формой повторяющие очертания человеческого тела, — в их визорах парили лица преподавателей: в понедельник, среду и пятницу появлялись педагоги по социологии, инженерному делу и управлению экосистемами, в остальные дни — учителя по теории войны, психологии, экономике, хинди, японскому, китайскому мандаринскому и русскому. Парни уже свободно изъяснялись на английском — лингва франка противника. Однако ряд вражеских общин все еще пользовался национальными языками предков, потому воспитанникам приходилось практиковать и их.

По утрам проходили теоретические занятия с преподавателями, день и вечер отводились под практику с чтецами. Ремонт и уход за скафандрами, создание и внедрение демонов и программ-шпионов, симуляции полетов и управ-

ления боевыми машинами, сценарии погружения, которые знакомили ребят с многочисленными аспектами жизни во вражеских городах. Они упражнялись в боевых искусствах, создании бомб, диверсиях, обучались владению мечом, посохом, ножами и любыми видами ударного и холодного оружия. На занятиях пользовались утяжеленными версиями, чтобы в реальном бою действовать было проще. Их учили разбирать и чинить огнестрельное оружие и управляться с ним в любых условиях. В темноте. В центрифуге, где их швыряло во все стороны. При экстремально высоких и низких температурах, под дождем, снегом и при сильном ветре в погодном симуляторе. В скафандрах. Под водой.

Каждые десять дней отряд строили в одну колонну и по длинному соединительному переходу вели в шаттл, который доставлял их на орбиту. В обитой мягкими материалами трубе без окон, где царила невесомость и любое движение должно было исходить из центра масс, а удар вызывал равное по силе противодействие, они обучались рукопашному бою и снова тренировались с оружием.

За малейшую ошибку чтецы наказывали ребят. Отец Солломон, проводивший занятия по боевым искусствам, чуть что хватался за электродубинку. Чтобы завоевать его расположение, Дейв-8 с братьями до изнеможения и синяков занимались боксом, капоэйрой, карате, и все же многие получали хотя бы по одному удару электрошокером на каждом уроке.

Порой практические занятия посещал аватар с лицом женщины. Чтецы относились к ней с почтением, которого не выказывали больше никому, и отвечали на ее вопросы мгновенно. Гостя обычно молчала — она могла наблюдать за ребятами несколько минут, а могла остаться на час, прежде чем ее лицо исчезало из визора аватара и тот строевым шагом покидал зал и возвращался на свою стойку. Женщину звали Шри Хон-Оуэн. Для себя парни давно решили, что она — их мать.

Отсутствие внешнего сходства ничего не значило. В конце концов, их специально модифицировали, чтобы они не отличались от противника: несколько сеансов генной терапии, изменение метаболизма, в общем, генетическая модернизация —

одинаковая для всех. Когда-то, прежде чем враги подвергли себя точно таким же изменениям, они были людьми. Оттого и мальчики поначалу имели человеческий облик. Ну а раз все ребята — клоны, что объясняет номера и одинаковые имена (банальная шутка кого-то из преподавателей, которая прижилась среди их легенд), мама у всех тоже должна быть одна...

Хотя доказать, что эта женщина — их мать, не представлялось возможным, они верили, будто это правда. И вера их могла дать фору любым свидетельствам, ведь она шла от Бога, а не от людских умишек. Женщина навещала их нечасто. Примерно раз в два месяца. Ее присутствие делало ребят счастливее, заставляло трудиться усерднее и воодушевляло на много дней вперед. А в остальном жизнь текла однообразно, целиком посвященная науке убийств и разрушений. Искусству вести войну.

Вечера после мессы, ужина и сессии самокритики, на которой парни по очереди сознавались в грехах и подвергались суду братьев, отводились политике. Красочные динамичные видео, сопровождающиеся пафосной музыкой, повествовали об уроках мужества и самопожертвования в истории Великой Бразилии, показывали, как враг предал человечество, сбежав на Луну во время Переворота, как дезертиры отказались вернуться на Землю и помочь восстановить планету, а вместо этого отправились дальше на Марс, к спутникам Юпитера и Сатурна, как группа марсиан позже пыталась атаковать Землю, направив в ее сторону один из троянских астероидов, чья эллиптическая орбита вокруг Солнца пересекала орбиту Земли. План провалился, и тогда группа праведных героев отправилась с миссией смертников, взорвала водородные бомбы над марсианскими поселениями в долине Ареса и на равнине Эллада, а затем изменила траекторию движущейся в сторону Солнца кометы. При помощи водородных бомб комету раскололи — фрагменты небесного тела прострочили марсианский экватор, оставив череду огромных кратеров. Любые следы человеческого присутствия были стерты с лица Красной планеты. Однако враг по-прежнему плел заговоры в своих гнездах и логовах на лунах Юпитера и Сатурна, где вершил

самое злостное преступление в истории человечества, нарушая законы эволюции и программируя собственный геном.

Ребята всегда знали, какой ролик покажут сегодня: все зависело от того, чем их кормили. Любимые лакомства, вроде сладостей и богатых жирами продуктов, давали перед просмотром фильмов об исторических фактах и героях; каша и отварные овощи появлялись на столе, если впереди их ждали видео о преступлениях против человечества.

Урвав момент, парни обсуждали, кем из героев они восхищаются больше всего, в каких битвах с радостью приняли бы участие. Размышляли над тем, какие миссии им поручат, когда завершится обучение. Войны еще никто не объявлял, но их явно готовили для того, чтобы сражаться с противником. Дейв-27 ходил на дополнительные занятия по вопросам веры и природы Геи к отцу Алдосу и считал, что, если они проявят себя в сражениях, их вновь переделают в обыкновенных людей. Дейв-8 не был в этом уверен. В последнее время ему не давал покоя простой парадокс: если при их создании использовали преступные технологии, как он и его братья окажутся способными на добрые дела? Он размышлял над этим вопросом часы напролет и в конце концов поделился своими соображениями с Дейвом-27, на что тот ответил: добродетель может родиться из зла подобно тому, как из грязи вырастают прекрасные цветы. Разве не так вершилась история человеческого рода? Все были падшими. На каждом человеке, когда-либо жившем, лежала печать первородного греха. И все же любой мог оказаться на небесах — нужно было лишь возвращать веру в молитвах, возносимых Богу, заботиться о Его созданиях и тем самым искупить свои грехи. Даже враги имели шанс на прощение, но они отрицали Бога, ведь им хотелось самим стать маленькими божками и править в созданном ими рае. Рае, который так только назывался, а на деле был обречен стать адом в наказание за гордыню его создателей. Ибо не хватало им величия, что исходило только от Бога.

— Само наше происхождение и облик грешны, но не поступки, — говорил Дейв-27. — Свои таланты мы используем во славу Господа, а не против него. Быть может, в какой-то

степени мы даже ближе к ангелам, чем все остальные люди, ибо целиком посвящаем себя служению Святой Троице. Мы — священные воины, с радостью готовые сложить головы за Господа, Гею и Великую Бразилию.

Блеск в глазах Дейва-27 встревожил Дейва-8, и он предупредил брата, что тот поддался смертельному греху гордыни.

— Пусть наши жизни отданы защите Господа и Геи и Великой Бразилии, это вовсе не означает, что мы сродни героям великих событий.

— Кто же мы тогда?

— Солдаты, — отвечал Дейв-8. — И не более того.

Ему вовсе не хотелось быть особенным, и он радовался, что на занятиях и тренировках показывает результат, не превосходящий результаты братьев. Радовался, что не обладает страстью к дебатам и спорам, как Дейв-27, не отличается гибкостью и атлетическим телосложением, как Дейв-11, не проявляет больших способностей в ведении электронной войны, как Дейв-19. Он надеялся, что в отсутствии талантов кроется добродетель, ведь любое качество, выделявшее его среди остальных, могло породить гордыню, которая сбила бы его с истинного пути, и тогда он не выполнил бы свой долг.

Однажды отец Соломон застал его за рассматриванием собственного отражения. Случилось это в спортивном зале. Вдоль одной длинной стены стояли шкафы с оружием: дротиками и метательными копьями, гладиусами и полутораручными мечами, рапирами и разложенными веером ножами, посохами, булавами, дубинками, алебардами, пиками, длинными луками, арбалетами, стрелами и болтами для них, еще там лежали точильные камни, напильники, бутылочки с минеральным маслом и алмазным абразивным порошком — в общем, все необходимое, чтобы клинки оставались острыми и чистыми. Было там кинетическое и энергетическое оружие. Автоматические и снайперские пистолеты, снайперские винтовки, лазеры, луч которых мог поджарить человека изнутри, тазеры, стреляющие облаком заряженных электродов, импульсные винтовки, чьи плазменные иглы достигали той же температуры, что и поверхность Солнца. У дальней стены пещероподобного зала

расположились полки, где лежали доспехи, скафандры и костюмы для дайвинга со встроенными кислородными масками. Там и сидел, скрестив ноги, Дейв-8 в окружении своих братьев. Перед ними лежали детали разобранных скафандров: у них шло занятие по ремонту и уходу за гермокостюмами.

Дейв-8 держал нагрудную пластину на расстоянии вытянутой руки, вертел ее так и сяк. На черной изогнутой полированной поверхности отражались лишь искаженные фрагменты, но это было по крайней мере хоть что-то: в целом лабиринте комнат, который мальчики звали домом, не висело ни единого зеркала. Дейв-8 разглядывал свое лицо в поисках отличительных черт. Одной детали было бы достаточно, чтобы подтвердить его подозрения, будто он мыслит иначе.

Мальчик не заметил, как отец Соломон в сандалиях с резиновыми подошвами подкрался сзади и большим пальцем расстегнул кнопку, удерживающую электродубинку на поясе.

Когда Дейв пришел в себя, его тело сотрясали судороги, а во рту был привкус крови. Отец Соломон возвышался над ним и читал ребятам лекцию о тщеславии. Дейв-8 знал, что серьезно провинился. Даже выполненное задание, которое отец Соломон дал им, закончив свою проповедь, — собрать скафандр посреди завывающей снежной бури в погодном симуляторе — не могло искупить его вину.

В тот вечер на собрании самокритики братья вставали по очереди и громко обвиняли его, как прежде поступал он сам, когда они совершали грехи, допуская оплошности или преступая правила. Он не мог объяснить, что всего лишь пытался отыскать следы скрытых недостатков в своем отражении. Любые попытки объяснить свое преступление или оправдаться запрещались — им прививали мысль, что всякое наказание справедливо. Он заслужил эту кару.

Темой для проповеди отца Кларка во время мессы послужил второй стих из главы Первой книги Екклесиаста. Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета. Чтецы любили эту тему, но Дейв-8 знал, что в тот вечер она была выбрана специально для него, и душа его съезживалась под праведным взором наставников, видящих его насквозь.

Пока он сидел и смотрел видео, запечатлевшее во всех подробностях отвратительные сцены беззакония и каннибализма, захлестнувших крупные города Северной Америки в эпоху Переворота, его терзали стыд, недовольство собой и даже ненависть к себе. Он был уверен, что показал себя с худшей стороны. Стал кандидатом на исчезновение. Пусть последний раз кто-то из мальчиков пропал больше полутора тысяч дней назад, когда они были еще совсем юными, наставники постоянно вбивали им в голову: то, что они выжили, условно, и каждый должен стремиться к совершенству ежедневно и ежечасно.

Исчезали всегда по ночам. Проснувшись поутру, ребята обнаруживали, что одного из них не хватает, на его кровати голый матрас, а шкафчик открыт и пуст. Объяснений никто не давал, да они и не требовались. Их брат исчез, потому что провалился, ошибок здесь не терпели.

Когда выключили свет, Дейв-8, лежа в кровати, изо всех сил старался не заснуть, но рефлексy вскоре взяли свое, и, несмотря на страх, он провалился в сон. Утром же он с удивлением обнаружил, что все еще находится на своей узкой койке, а вокруг него суетятся остальные, поднимаются с постелей и одеваются. Он словно заново родился. Все осталось прежним и в то же время получило новый смысл.

Преисполненный радости, он стоял подле братьев перед развевающимся на большом экране флагом и, положив руку на сердце, с особым рвением зачитывал знакомые слова Клятвы.

Я клянусь в верности флагу Великой Бразилии и делу, которое он символизирует, единой Земле под властью Геи, неделимой, восстановленной, возрожденной и очищенной от всех человеческих грехов.

2

Кэшу Бейкеру было всего двадцать шесть лет, когда его выбрали для участия в испытаниях однопилотников J-2. На тот момент он восемь лет отслужил в войсках противовоздушной обороны Великой Бразилии. Появившись на свет в самой

обычной семье в заштатном городишке среди неплодородных земель Восточного Техаса, он невероятно быстро поднялся по карьерной лестнице. Кэш повезло получить хорошее, насколько это было возможно в тех краях, образование. Кроме того, один из учителей заметил его исключительные способности к математике и стал заниматься с ним дополнительно, а после посоветовал пойти в войска ПВО. На вступительных тестах Кэш получил высший балл, и его сразу же направили на базовую подготовку пилотов в академию в Монтеррее. Год спустя жарким грозовым августовским днем он маршировал во главе парада по случаю выпуска курса 2210.

Сперва Кэш доставлял грузы в отдаленные лагеря Аварийно-ремонтных корпусов к востоку от Великих озер на толстобрюхих «Тапирах-Л4». Но его скоро повысили в чине и приписали к 114-й эскадрилье, посадив за штурвал скоростного смертоносного боевого «Раптора». Третья дивизия генерала Арвама Пейшоту проводила кампанию по зачистке бандитских поселений среди руин бывшего Чикаго, и Кэш отличился в череде миссий, оказывая поддержку с воздуха. Бандиты были хорошо организованы и в высшей степени дисциплинированы, но, как правило, плохо вооружены. Все же один раз Кэш попал в опасную ситуацию: по его машине выпустили перепрограммированную высокоточную управляемую ракету, и ему пришлось выполнять маневры уклонения до тех пор, пока боевой искусственный интеллект не взломал маленький, но мощный мозг ракеты, которая тут же взорвалась в воздухе.

Затем его перевели на большую базу возле Сантьяго. В период Холодной войны между Великой Бразилией и Тихоокеанским сообществом, в момент, когда казалось, будто вот-вот разразится война за обладание Гавайскими островами, Кэш осуществлял дальние патрульные вылеты над Тихим океаном с целью перехвата противника. По окончании Холодной войны юношу отобрали в школу пилотов-испытателей, где он работал над новым поколением «Ягуаров-призраков» — истребителей класса «земля-орбита». Не самолет, а мечта, когда он оказывался на орбите, и сущий кошмар

в момент входа в атмосферу. Программу закрыли после того, как три из восьми прототипов разбились и сгорели из-за того, что во время снижения двигатели включались произвольно или, наоборот, зажигание не срабатывало вообще, а еще два вспыхнули из-за недостатков легкосплавных тепловых щитов с алмазным покрытием.

Для Кэша, однако, шесть месяцев тестирования показались просто сказкой: ему нравилось наблюдать за тем, как под ним изгибается горизонт, как темнеет небо, а затем, когда он стрелой покидал атмосферу, появлялись звезды, нравилось испытывать ощущение безграничности и безмятежности, когда кажется, будто ты паришь над Землей, хотя на самом деле несешься со скоростью тысячи километров в час. Оттуда, сверху, нельзя было разглядеть чудовищные раны, оставленные индустриальной эпохой, антропогенными изменениями климата и Переворотом. Мертвые зоны в океанах, затопленные прибрежные территории на каждом континенте, пустыни на месте вырубленных лесов в районах Амазонской низменности и Африки, обширные выжженные пустыни Северной Америки, разрушенные города... Все это терялось на сияющем фоне бесконечно прекрасной голубой планеты. Кэша нельзя было назвать сильно верующим, но, попав на орбиту, он впервые понял, о чем говорили экопроповедники, когда называли Землю единым живым организмом.

После фиаско с «Ягуарами» Кэш снова вошел в состав боевого подразделения, но отныне все его мысли были об испытательных полетах и космосе. Он охотился за информацией о новом типе орбитального самолета, когда к нему обратились из офиса генерала Арвама Пейшоту. Командующий помнил пилота по чикагской кампании. Стоило Кэшу получить предложение поучаствовать в программе испытаний, он не раздумывая согласился.

Так что он отправился на Луну, откуда Земля казалась еще более прекрасной, — одинокая бело-голубая жемчужина, парящая в черноте небес над лунными пустошами. Сто пятьдесят лет назад часть богатейших, умнейших и наиболее влиятельных людей Земли профинансировала строительство

Афины — города под куполом к востоку от кратера Архимед на границе Моря Дождей — и иммигрировала туда, спасаясь от разрушений и беспорядков, вызванных климатическими изменениями и десятками мелких военных конфликтов за дефицитные ресурсы. В карьерах из лунного реголита добывали гелий-3. Обширную территорию занимало производство солнцезащитных зеркал, которые затем выводили на орбиту в точке Лагранжа L1 между Землей и Луной. Гелий-3 использовался в термоядерных реакторах, а за счет целой армии зеркал оказалось возможным снизить объем солнечной радиации и стабилизировать земной климат в бурную эпоху Переворота, когда неконтролируемое глобальное потепление, вызванное выбросом значительного количества метана, содержащегося в клатратах антарктического льда, грозило привести к массовому вымиранию по всему земному шару. Международные команды до сих пор поддерживали зеркала в эксплуатационном состоянии на орбите. Требовалось еще по меньшей мере сто лет, прежде чем негативные последствия Переворота и глобального потепления сойдут на нет.

Когда стало очевидно, что новые, возникшие после Переворота транснациональные государства намерены захватить контроль над выработками и закрыть все остальные предприятия на Луне, отряды строителей и команды ученых, их семьи, а также частные лица со своими родными и наемными рабочими бежали на Марс, спутники Юпитера и Сатурна. Великая Бразилия заявила о своих правах на покинутые земли, и вскоре там разместились новые колонисты из семьи Пейшоту — самые ярые агитаторы за развертывание космической программы. Построив небольшую флотилию кораблей дальнего следования, они установили связи и торговые маршруты с городами и поселениями в системах Юпитера и Сатурна, а их опытные разработчики создали самые разнообразные технологические новинки, включая прототип боевого орбитального самолета.

Сразу после высадки с шаттла Кэша в компании остальных волонтеров программы испытаний отвели в комнату для брифинга, где генерал Арвам Пейшоту рассказал им

о характеристиках новой машины — одномоторника J-2. Это была та еще штучка. Управляемая ракета, оборудованная новейшим термоядерным двигателем, в котором для катализа цепной реакции синтеза в микрокаплях дейтерия и трития использовались антипротоны и который являлся самым мощным из существующих на тот момент. На носу J-2 располагалась кабина с системой жизнеобеспечения, размером со скафандр. Специально для полетов в атмосфере крылья J-2 укоротили. Самолет был оснащен рентгеновским лазером с импульсной накачкой, барабаном с однозарядными лазерами, рельсовой мини-пушкой, стреляющей стреловидными снарядами с обедненным ураном, несколькими неядерными боеголовками и маневренными ракетами — выпущенные из массивной пушки, они наносили любой возможный ущерб после столкновения с целью. Система управления полетом J-2, используя радиолокаторы дальнего действия и бокового обзора, GPS и топографические карты с точностью изображения до десяти сантиметров, могла облететь Луну на средней высоте в сто метров, а затем повторить полет по точно такой же траектории. Самолет движется настолько быстро, пояснял генерал Пейшоту, что в боевой обстановке от пилота требуется нечеловеческая реакция.

Командующий был мощного телосложения, с грубыми чертами лица. Серые волосы, доходившие ему до плеч, он всегда зачесывал назад, чтобы они не падали на его работавшее лицо. Говорил он без всякого официоза, как с членами семьи, и при этом устанавливал зрительный контакт со всеми в помещении. Когда взгляд его остановился на Кэше, молодого пилота охватили гордость и энтузиазм.

— Вы уже самые способные пилоты в войсках ПВО, — продолжал генерал Пейшоту. — Ни на Земле, ни на Луне нет никого лучше вас. Однако есть способ еще больше усовершенствовать ваши навыки. Я не слишком разбираюсь в технических деталях, но считаю, вы должны понимать: то, что от вас требуют — абсолютно справедливо. Поэтому на несколько минут передаю вас в руки доктора Шри Хон-Оуэн, которая расскажет вам о предстоящей процедуре.

Позже один из пилотов, Луис Шуарес, семья которого была связана с медициной, назвал Шри Хон-Оуэн бездушным гением, чья карьера взмыла до высот под покровительством экопроповедника семьи Пейшоту. Шуарес рассказывал, что Шри Хон-Оуэн изобрела совершенно новую систему фотосинтеза, создала множество видов вакуумных организмов, разработала различные способы продления жизни, которыми Пейшоту с радостью пользовались, и много чего еще. Однако на брифинге она не произвела на Кэша особого впечатления. Строгая, неделикатная, одетая, как и все на базе, в синий комбинезон, Шри Хон-Оуэн выглядела вполне прозаично: ее возраст невозможно было определить, бритый череп блестел на свету, а такой бледной кожи Кэш еще не доводилось видеть. Она говорила очень быстро, обращаясь больше к контрольным перечням, диаграммам и видео, которые создавала в пространстве, чем к сидящим в зале. На вопросы женщина отвечала резко и агрессивно, как будто пилоты поголовно были идиотами, неспособными понять даже самые простые вещи.

Процедура (если выкинуть весь жаргон и демагогию) оказалась чем-то вроде перемонтажа и наращивания нервной системы, что позволило бы им напрямую подключаться к системе управления самолетом, а также повышать скорость обработки данных в нейронных сетях на короткий промежуток времени. Когда Шри Хон-Оуэн закончила, к пилотам снова обратился генерал Пейшоту — он отметил, что процедура крайне радикальна и нет никаких гарантий, что она сработает во всех случаях и пилоты останутся живы. «Если кто-то захочет отказаться от участия и вернуться к обычной службе, их никто не заклеймит позором и на послужном списке это тоже не отразится», — сказал он, а затем попросил волонтеров поднять руки.

Кэш вытянул руку. Как и все остальные. В первом ряду кто-то махал обеими руками над головой. Потому что, черт возьми, кто не желает стать лучшим пилотом?

Первую операцию проводили под общим наркозом: вдоль позвоночника Кэшу вживили искусственную нейронную сеть. Процесс сопряжения, в ходе которого новые нейроны

состыковывались с периферийной нервной системой, был утомительным, а временами чертовски болезненным. Затем последовала бесконечная череда тестов — Кэшу становилось не по себе, когда его правая или левая рука вдруг начинала двигаться, а пальцы со скоростью и точностью робота порхали по голограмме, решая задачи на ориентацию и движение без какого-либо сознательного вмешательства с его стороны.

Дальше — больше. Во время второй операции, когда искусственную систему подсоединяли к проекционной и сенсорной зонам коры головного мозга, Кэш должен был оставаться в сознании: команда хирургов проверяла не только то, как прижились и функционируют его новые способности, но и то, что все остальное — от спинномозговых рефлексов до памяти — не пострадало в ходе процедуры внедрения. Кэшу сделали местную анестезию, так что боли он не испытывал, зато ощущал вибрацию, запах свернувшейся крови и распиливаемых костей, когда врачи вскрывали его череп, чувствовал, как с хлюпающим звуком отошла крышка черепной коробки, слышал комариный писк, издаваемый роботом-кустом, чьи манипуляторы, делящиеся, подобно фракталам, на тысячи режущих и записывающих отростков длиной несколько нанометров, оперировали его мозг. Размером они были не больше самих нейронов, с которыми работали. В мозгу отсутствуют болевые рецепторы, и все же Кэш ощущал, как по телу прокатывались волны фантомной боли, когда робот-куст проверял одну за другой все нейронные связи. Нестройная симфония эмоций, звуков, вкусов, разноцветных галлюцинаций накрыла его. Два последующих дня, пока проводились последние тесты, он пролежал без сознания. И только после этого для Кэша и остальных пилотов в проекте начался долгий период восстановления.

Приходилось заново учиться пользоваться собственным телом. Но они были молоды, в хорошей физической форме и полны решимости, так что прогресс шел быстрыми темпами. Пилоты всё превращали в состязание: они делали ставки на то, кто первым самостоятельно доковыляет от кровати до нужника, кого больше раз стошнит (в первые дни у всех

были проблемы с вестибулярным аппаратом), кто выдаст больше мочи врачам на анализ. Позже, когда их допустили к тренировкам, они соревновались, кто больше раз отожмется, кто сделает больше скручиваний, кто дольше проедет на велотренажере или пробежит на беговой дорожке, кто больше раз выжмет штангу лежа.

Алду Руис принялся спорить с человеком-невидимкой: в праведном гневе он грозил пустому месту перед собой. После того как он стал шлепать и бить себя, его забрали, и больше никто из отряда никогда его не видел.

Спустя неделю пошли настоящие проверки. Сперва их ждал медосмотр — куда более тщательный, чем даже при приеме на службу. Затем психологическое тестирование: приходилось отвечать на кучу вопросов про гипотетические ситуации и решать задачи, в то время как шапочки с датчиками считывали активность мозга. Их же нужно было надевать и во время выполнения базовых упражнений на симуляторах J-2. На этой стадии без объяснения причин отбраковали двоих пилотов. Остальные продолжили тренировочно-испытательную программу.

Кэш не потрудились объяснить, что будет происходить с ним после того, как впервые активизируют его новые способности. Он лежал на кушетке в окружении докторов и медтехников, как внезапно мир вокруг замедлился. Звуки стали затухать — остался лишь слабый гул; ему казалось, будто он увязает в смоле; цветовосприятие сдвинулось в сторону красного спектра, а поле зрения сузилось до размера ногтя, если смотреть на него на расстоянии вытянутой руки. Кэш не мог ни повернуть, ни оторвать голову от кушетки — лишь медленно переводить взгляд, смещая крошечное пятно фокуса, словно прожектор. Он наблюдал, как замедленно моргнул техник (один его глаз закрылся прежде другого), затем — как второй старательно выводил комментарии на планшете. А потом столь же внезапно мир вернулся в привычное состояние. Кэш было жарко, он задыхался, словно только что пробежал двадцать километров на предельной скорости. Грудь тяжело вздымалась, когда он втягивал воздух, сердце

бешено колотилось о ребра, во рту появился металлический привкус, и Кэш ненадолго потерял сознание.

Доктора и техники молчали о результатах теста, не объяснили, что с ним произошло. Даже не сказали, что обморок в этом случае был естественной реакцией. В общем, пока Кэш не вернулся в палату и не узнал, что все остальные тоже отключились после первого ускорения до так называемого гиперрефлекторного режима, Кэш не понимал, прошел он тест или нет. Той же ночью у Юдоксии Витории и Брига Лиспектора случились настоящие эпилептические припадки — обих забрали доктора, и больше никто этих двоих не видел. Чикино Браун не вернулся после второго дня тестов. Луис Шуарес утверждал, что слышал, как врачи говорили, будто Чикино умер от сердечного приступа.

То были последние потери. Спустя пять недель тех, кто выжил, сочли пригодными и полностью интегрированными. Каждый провел сто часов полетов на симуляторе как с индикатором на лобовом стекле, так и в режиме прямого подключения нервной системы к системе управления полетом. Поскольку в военной обстановке пилотам, возможно, придется неделями оставаться внутри однопилотника, им удалили зубы и заменили их на смоделированные пластиковые протезы. Еще всем вырезали аппендикс. И наконец команду допустили до прототипов J-2 — сперва пилотировали исключительно по индикации на лобовом стекле, выполняя полеты по размеченному маршруту и участвуя в простых имитациях боевых действий. Еще через две недели летных испытаний Кэш стал первым, кого выбрали для полета в режиме полного подключения.

Задача стояла на распознавание цели и боевое применение авиационного вооружения. Кэш держал курс на запад — вообще-то машина сама управляла полетом, Кэш же словно сросся с ее корпусом — над темной равниной, где более трех с половиной миллиардов лет назад лава затопила только что образовавшийся от столкновения с метеоритом кратер Моря Дождей. Когда на горизонте показался район цели — отвесные склоны гор на дальнем краю котловины, —

переход от режима подключения к собственно управлению в этом состоянии прошел довольно гладко: триммер J-2 отклонился менее чем на одну сотую угловой минуты. Это не имело ничего общего с полетом на самолете. Это было — как *стать* самолетом. Как заниматься с ним сексом, сказал Луис позже. Хотя лично Кэш не мог вспомнить, чтобы секс был так же хорош, как тот первый полет.

Его учили визуализировать триггер для перехода в гиперрефлекторный режим в виде большой красной кнопки в центре головы. Теперь он нажал эту кнопку — и всё вокруг замедлилось, будто во сне. Он ощущал малейший толчок, когда рельсовая мини-пушка выпускала град стреловидных снарядов с обедненным ураном, которые превращали имитацию герметизированного купола в пыль. Два роллигона, пересекающие равнину, были помечены как свои, еще шесть опознаны как вражеские. Кэш навел оружие на неприятеля и всего за несколько секунд поджарил их системы управления точными выстрелами гамма-лазера, затем с помощью ракет уничтожил ряд внезапно появившихся целей. Когда зона удара осталась позади, он передал управление боевому искусственному интеллекту J-2 и вновь нажал воображаемую красную кнопку. К этому моменту он уже научился оставаться в сознании при переключении режимов и теперь принял подтверждение командующего стрельбами о поражении целей.

В тот вечер состоялось официальное торжество по случаю успеха программы. Пилоты сгрудились в одной стороне и попивали воду и фруктовые соки, пока старшие по званию, ученые и техники рюмка за рюмкой опрокидывали в себя ром, текилу, пульке, говорили все громче и вели себя все оживленнее. Генерал Пейшоту произнес короткую речь, пожал руки пилотам, все это — пока его снимали на камеру; и испарился. Офицеры и научная команда поднимали бокалы за здоровье летчиков и друг друга, демонстрируя мастерство красноречия и витиеватость слога. Опустошенные сосуды они разбивали об пол. Когда одна из специалистов по скафандрам, поддавшись уговорам, принялась снимать с себя рубашку, пилоты покинули зал, решив, что вечеринка принимает жаркий оборот:

на следующий день, как обычно, с 5:30 до 6:30 утра их ждал медицинский осмотр, затем час в спортзале, ежедневный брифинг за завтраком, а после — собственно работа.

В отрядах противовоздушной обороны все верили, что грядет очередная война с дальними. Эта так называемая мирная инициатива и шаги к примирению казались не чем иным, как пустой тратой времени — необходимо было подчинить дальних, пока те не направили в сторону Земли очередную комету или не изобрели какую-нибудь ненормальную постчеловеческую генетическую мутацию, которая сделала бы их непобедимыми. Война должна была начаться, и Кэш Бейкер, выросший на историях о героических подвигах предков, не мог дожидаться, когда это произойдет. Пока же он с другими пилотами продолжал работать на J-2. Они выполняли одиночные и групповые полеты. Они летали над всеми видами лунных рельефов, отрабатывали перехваты на орбите Земли и на орбите Луны, тестировали машины в разных слоях атмосферы. Когда они не осуществляли полеты в режиме реального времени, то оттачивали специфические навыки на симуляторах, посещали семинары по модернизации своих летательных аппаратов, знакомились с последними находками в теории боя, а еще проходили бесконечные медосмотры, психологические освидетельствования и подгонки скафандров...

Однажды, примерно через шесть месяцев после первого полета Кэша, традиционный брифинг во время завтрака проводил не офицер разведки, а полковник, отвечающий за программу J-2. Без всяких преамбул он заявил, что прошлой ночью умер Максимилиан Пейшоту, муж президента и главнокомандующий войсками противовоздушной обороны Великой Бразилии, и что до похорон, которые состоятся спустя десять дней, все испытания и тренировочные полеты отменяются. Он также сообщил, что согласно инструкциям должен выбрать четырех человек, которые в конце церемонии будут пилотировать J-2 над собором в Бразилиа, дабы почтить память своего командира. Среди прочих он назвал имена Кэша Бейкера и Луиса Шуареса, после чего объявил, что через час пройдет специальная месса.

Позже Луис сказал Кэш, что в тот момент изменилось всё.

— Максимилиан Пейшоту был не просто нашим главным командующим. Он возглавлял Комитет Примирения, поддерживал инициативу прекращения конфликта с дальними. Тридцать лет назад он создал первые посольства во Внешней системе и с тех пор систематически устанавливал торговые связи. Ну и уж конечно он пользовался расположением президента. Теперь, когда он мертв, влияние его друзей поуменьшится.

— И что дальше?

— Ты и вправду абсолютно непросвещенный сукин сын, — отвечал Луис.

— Может, и так. А может, мне просто нет дела до политики, — парировал Кэш.

— А зря. Многие в правительстве считают, что дружественные шаги навстречу дальним — бессмысленное и опасное занятие. Пока что их меньшинство, но теперь они смогут в открытую выступить против мира. А генерал Арвам Пейшоту — один из тех, кто всегда яро возражал против союза. Вот увидишь. Очень скоро ему удастся добиться разрешения на производство J-2.

— То есть мы наконец-то выступим против дальних в открытую.

— Пока нет, но мы точно приблизимся к этому моменту.

— Что ж, давно пора, — заключил Кэш.

3

Эти похороны оказались самыми важными в Бразилиа за последние двадцать с лишним лет. Все улицы в районе собора Пресвятой Девы Марии были забиты лимузинами и флиттерами. Водители и личная охрана посматривали друг на друга с профессиональным интересом. Среди верхушек деревьев зависли беспилотники. В голубом небе в лучах палящего солнца кружили вертолеты. В длинном парке вдоль центрального проспекта Монументальная Ось

рыскали волки. Половина города была парализована из-за многочисленных охранных постов.

Помещение собора наполняли прекрасные звуки «Agnus Dei», парящие над торжественным звучанием струн и сотрясающие землю рокотом органных труб, которые, подобно гофрированному стальному занавесу, поднимались позади хора и оркестра. Перед алтарем, выполненным из белоснежного известняка, среди источающих сладостный аромат лилий и орхидей стоял гроб из розового дерева. В нем покоился Максимилиан Пьетро Соломон Кристгау Флорес Пейшоту — муж президента Великой Бразилии, главнокомандующий войсками противовоздушной обороны, великий магистр Ордена Рыцарей Виридуса, наместник Северных территорий, глава Комитета Примирения, ректор университетов в Монтевидео, Каракасе, Мехико, Денвере и так далее и тому подобное — в общем, могущественная фигура на Земле. Он умер в возрасте ста семидесяти двух лет от полиорганной недостаточности. Смуглое лицо покойного выглядело величественно и спокойно на фоне белого савана. Его знаменитые усы были напояжены и заканчивались острыми кончиками. На глаза положили золотые монеты, добытые с затонувшего испанского галеона.

Гроб был поднят над каналом, пересекающим круглый неф собора по диаметру. На черной, словно нефть, воде тут и там появлялись круги, когда рыба начинала играть. В дальнем углу на широких ярусах, в роскошных похоронных нарядах, расположились прихожане, словно заседание парламента грачей. Присутствовали практически все члены семьи Пейшоту: в зависимости от степени родства они занимали один из сорока рядов в центральном секторе. Овдовевшая глава государства восседала на стуле с навесом в центре первого ряда. Она выглядела великолепно в темном наряде и то и дело подносила к глазам, спрятанным под вуалью, крошечный сосуд из искусственных алмазов, чтобы поймать слезу. Позади родственников собрались когорты сенаторов, военных командиров в блестящих церемониальных униформах, послов и политиков со всего земного шара, а также представитель города Радужный Мост на Каллисто.

Боковые ярусы отводились членам других великих семей, министрам, губернаторам, высокопоставленным чиновникам и прислуге Великого Дома. В общем и целом здесь собралось около двух тысяч людей, и еще миллионы зрителей следили за изображениями со стационарных камер.

В жилах профессора-доктора Шри Хон-Оуэн не было ни капли пейшотовской крови, и все же она и ее пятнадцатилетний сын Альдер Топаз сидели рядом с членами семьи, с самого левого края сорокового ряда в центральном секторе. На похороны они прибыли вместо одного из пожилых родственников, спонсора и наставника Шри, экопроповедника Оскара Финнегана Рамоса: в эти дни года он никогда не покидал свою обитель в Нижней Калифорнии даже ради такого важного и значимого события.

Длительное богослужение включало в себя массу замысловатых ритуалов. Месса, проповедь, воспевающая жизнь покойника, служба по усопшему, а теперь — реквием. Музыка звучала, без сомнения, торжественная, но Шри, обладавшая музыкальным слухом, не могла оценить всей ее красоты. В такие минуты, когда профессор вынуждена была присутствовать на церемонии или встрече, где от нее требовалось лишь молча сидеть, Шри имела обыкновение погружаться в собственные мысли — вот и сейчас она обдумывала результаты последних тестов улучшенной версии стандартного препарата для борьбы со старением, которая обещала стать очень эффективной. Альдер, увлеченный церемонией, подтолкнул ее, когда хор, оркестр и орган достигли кульминационной части произведения. Архиепископ в зеленом с золотом наряде и митре степенно подошел к гробу и окропил тело святой водой, затем провел большим пальцем, смоченным в масле, по бровям усопшего. Отступив назад, он очертил знак креста и петлю в воздухе — гроб беззвучно накренился, тело, сбросив саван, устремилось ногами вперед и вспороло черную воду, которая тут же яростно забурлила. Голодные рыбы приступили к пиршеству, возвращая запас углерода и прочих элементов, которые некогда были Максимилианом Пейшоту, обратно Гее.

Спустя мгновение собор до основания сотряс грохот — низко в небе молниями промчались четыре одномоторника J-2, образуя воздушное построение «погибший пилот». Вслед за ними хор и орган исполнили «In Paradisum».

Почетное положение Шри в обществе позволяло ей покинуть собор среди первых, сразу по окончании службы, однако из-за невысокого статуса пришлось долго ждать, когда подадут ее автомобиль. Мимо вереницей тянулись люди, забирались в лимузины, которые тут же отъезжали, а их место мгновенно занимали следующие. Флиттеры приземлялись и взлетали, словно пчелы в улье.

Ротко Янг, представитель Радужного Моста, Каллисто, отделился от толпы и поприветствовал Шри и Альдера. Он сказал, что торжественная и роскошная церемония произвела на него впечатление.

— Вот только одного я никак не пойму, — признался он. — Рыбы.

— Рыбы?

— Да, ну те, что в бассейне, или рве, или как вы это называете.

На нем были шелковая пижама черного цвета и черная широкополая шляпа. Тело Ротко Янга находилось в каркасе экзоскелета, который помогал ему справиться с повышенной земной гравитацией.

— Мне стало интересно, что происходит с рыбами после. После того как они... кончают трапезу.

— Если честно, то я не знаю, — сказала Шри. — Но могу расспросить.

Ответ нашелся у Альдера:

— С ними ничего не случается. Думаю, рыбы священны.

— Священны?

— Освящены самим архиепископом, — пояснил юноша.

Из-под полей шляпы было видно, как губы Ротко Янга расплылись в улыбке. Голову его поддерживал обделанный мягкой тканью шейный воротник.

— Все люди таким образом возвращаются к Гее?

— Только важные персоны, — сказал Альдер.

— А что же остальные?

— Тех, кто может себе это позволить, хоронят на экокладбищах. В лесах, на лугах с дикими цветами. Остальных перерабатывают напрямую.

— Все ясно. Еще один пример имущественного расслоения общества. Вы кого-то ждете?

— Похоже, наш лимузин застрял где-то в очереди, — ответила Шри.

— Если вы на прием, могу подбросить в своем флиттере.

— У меня слишком много работы, — заявила Шри.

Ее не пригласили на прием во Дворец Рассвета, но Ротко Янгу она об этом говорить не собиралась.

— Конечно. Через три недели все останется позади.

— Три недели, если все пойдет по плану.

— В ближайшее время ничего не изменится. Что же до взгляда в будущее, то нам придется усерднее трудиться, дабы убедить всех скептиков и оппозиционеров.

— Разумеется, — согласилась Шри. Но она знала, что Ротко Янг в курсе дела: ситуация гораздо сложнее.

Максимилиан Пейшоту был одной из ключевых фигур, которые занимались развитием и укреплением дипломатических и экономических связей между Землей и Внешними планетами. Под его началом открывались дипмиссии во всех крупных городах на спутниках Юпитера и Сатурна. Он спонсировал программы обмена учеными и деятелями искусства, выиграл внушительный грант на разработку и строительство межпланетного корабля нового поколения. Когда же легендарный гений генетики Авернус и наставник Шри, Оскар Финнеган Рамос, выступили с идеей подарить Радужному Мосту на Каллисто биом как символ возрожденного стремления к примирению, именно Максимилиан Пейшоту провел через Сенат законопроект, по которому выделили финансирование на строительство экосистемы вокруг рифов. Он обратился ко всем, кто был ему хоть чем-то обязан, и без зазрения совести пользовался своим привилегированным положением супруга президента. В результате ему удалось добиться победы с небольшим перевесом голосов. Каких-то десять недель назад,

накануне отлета строительной бригады на Каллисто, он устроил большой прием в их честь. А теперь вот его не стало. Приостанавливать проект биома было уже слишком поздно — отряд строителей прибудет на Каллисто через несколько дней, да и в любом случае закрытие проекта сильно ударит по репутации страны. И все же смерть Максимилиана Пейшоту ставила под угрозу планы установления мира между планетами. Советники Шри просчитали возможные последствия, и в большинстве случаев перспективы выглядели мрачно.

Крошечные моторчики в суставах экзоскелета на Ротко Янге загудели, когда он наклонился к Шри и ее сыну.

— Открою вам один маленький секрет. Хоть я и атеист, но все же вознес молитву за успех нашего дела. В духе пари Паскаля. Если Бога не существует, от моей маленькой молитвы большого вреда не будет. Ну а если он есть, разве не самое время попросить его о заступничестве? Мы с вами участвуем в замечательных событиях. И нам стоит приложить все усилия, чтобы довести дело до конца и пожать плоды успеха. Тебе, наверное, не терпится оказаться на Каллисто, юный Альдер?

— Даже очень, сэр, — ответил Альдер. — А еще на Европе.

Ротко Янг упомянул несколько человек, с которыми Шри и Альдер просто обязаны встретиться, когда окажутся в Радужном Мосту, а затем направился к флиттеру, клацая экзоскелетом. Люди все еще вереницей покидали собор, и мало кто обращал на Шри и Альдера хоть какое-то внимание. Профессор набрала номер своего секретаря — тот извинился и сказал, что ждать лимузина придется еще как минимум минут десять. Шри мучила жажда, накатили усталость и раздражение. Под палящим бразильским солнцем площадь пылала жаром, блики играли на капотах лимузинов и флиттеров. Над сводом собора беспрестанно кружил вертолет. Шри витала в своих мыслях, пока не прибыл лимузин. Тогда она наконец смогла откинуться на сиденье, ощутить прохладу обивки, глотнуть ледяной воды и воспользоваться защищенной линией, чтобы ответить на накопившиеся сообщения. Альдер тем временем во всех подробностях пересказывал ее секретарю церемонию отпевания.

Автомобиль медленно продвигался по проспекту, миная один за другим блокпосты на дорогах — остановка, движение, снова торможение. Затем вдруг с той стороны, где сидела Шри, раздался легкий стук по затемненному стеклу. Она испуганно подняла глаза. Мужчина, офицер противовоздушной обороны, постучал вновь и нетерпеливо, энергично помахал рукой. Скрючившийся на откидном сиденье Ямилль Чо, секретарь Шри, дал команду — стекло опустилось, и он спросил у офицера, в чем дело.

— Генерал хочет переговорить с вами, — доложил офицер, глядя Шри в глаза.

Он резко отступил в сторону, когда женщина выходила из лимузина в царящую снаружи духоту, затем повел ее мимо бронированных автомобилей, что укрылись в тени королевских пальм. Повсюду начеку стояли солдаты, держа перед грудью импульсные винтовки. Их лица нельзя было разглядеть за черными визорами. Офицер открыл заднюю дверцу бронированной машины — Шри оказалась в своего рода кабине: по обеим сторонам висели мониторы и панели с большими кнопками, переключателями и лампочками.

На одном из невысоких сидений громоздился генерал Арвам Пейшоту. Шри села напротив.

— Не самое подходящее место для встречи, — заметила Шри. — Слишком общественное.

— Все нет. Я же отвечаю за безопасность. Могу заверить, что о нашем свидании не останется ни единой записи.

— Так вот почему вы отсутствовали на службе.

— Решил, что не стоит доверять организацию кордонов посторонним. Но я все же выкроил минутку, чтобы увидеть, как тело предают маленьким голодным рыбкам.

На генерале были новенькая зеленая униформа и высокие армейские ботинки со шнуровкой. Серые волосы, резко выделяющиеся на фоне загорелой кожи, стянуты в конский хвост и завитком лежат на погоне с пятью звездами.

— Кстати, — продолжил он. — Что такого ваш разлюбезный друг Ротко Янг наговорил вам?

— Принес соболезнования, — ответила Шри.

— И все?

— А разве ваши беспилотники не записали разговор?

— Предпочитаю получать информацию из первых рук, когда это возможно. Сделайте милость.

Слушая краткий отчет Шри о состоявшейся с Янгом беседе, Арвам Пейшоту склонил голову на одну сторону. Этот обыденный жест всегда напоминал ей о богомоле. Холодный расчет насекомого, решающего, как нанести первый удар. Куда вонзить жало.

— Трудиться усерднее, — промолвил генерал, когда Шри закончила рассказ. — Неужели он и правда думает, что так можно спасти мирные инициативы? А вы?

— До сих пор они работали, — ответила Шри. — Поэтому я собираюсь отправиться на Каллисто. Или вам известно то, чего не знаю я?

— Ваше дело — будущее. — Арвам Пейшоту ушел от прямого ответа. — Вы изобретаете новые технологии и надеетесь, что они приведут нас к новой жизни. Как думаете, в каком направлении мир будет развиваться теперь? Вертикальном или горизонтальном?

— Вам точно что-то известно.

— Для вас будущее — это возрастающая функция. Постоянное совершенствование. Постоянные изменения. Но для других людей будущее всего-навсего плато на графике. Горизонтальная линия. Процесс консолидации. Не более того. Горизонталь против вертикали. Истинные люди против опасных фанатиков, которые превращают своих детей в монстров.

— Или экспрессивная пропаганда против четкого рационального мышления.

— Когда-нибудь ваши неосторожность и легкомыслие наживут вам врагов среди влиятельных людей. Что мне известно? Я скажу вам, что мне известно. А еще объясню, почему вы здесь. Дело не в смерти бедняги Максимилиана, хотя, конечно, с ней многое переменится. Я подумал, вам небезынтересно будет узнать, что через несколько недель войска противовоздушной обороны приступят к совместным маневрам с воздушными силами Европейского союза на орбите Луны.

Почему, спросите вы. Потому что в рамках последнего торгового соглашения мы сдадим европейцам в лизинг новый термоядерный двигатель. — Арвам Пейшоту пристально посмотрел на Шри, а затем добавил: — Вы этого не знали.

— Я знала, что идут переговоры. Но в детали сделки меня не посвящали.

— Переговоры почти закончены. Остались мелочи — так, небольшие заминки, ничего серьезного. Как только закончится траур президента, в Мюнхене состоится церемония подписания. Как это связано с вами? Все просто. Европейцы вышли из проекта по строительству биома и прочей мирной ерунды, потому что к власти пришли сторонники жесткого курса. Теперь же, после безвременной кончины супруга президента, после того как приверженцы примирения с дальними потеряли самую влиятельную фигуру, противники компромисса в Бразилии постараются закрыть программу биома. Знаю, вы питаете слабость к нашему экопроповеднику и сентиментально преданы ему: как-никак он открыл и взрастил ваш талант. Но он уже старик, заперся в своей хижине на пляже. Не видит, что творится вокруг. Практически не в курсе происходящего.

Хотя в голосе генерала слышалась ирония, немигающий взгляд его слегка раскосых глаз оставался абсолютно серьезным. Экраны за его спиной передавали изображения собора, лужаек, верхушек деревьев вдоль Монументальной оси и улиц, отходящих от центрального проспекта. Люди все еще спускались по ступеням храма, садились в лимузины и прочие средства передвижения. Прислуга, чиновники. Люди вроде Шри.

Она заговорила:

— И ради этого вы пошли на столь большой риск и решили побеседовать со мной здесь? О том, что мы уже много раз тщательно обсуждали? Тогда отвечу снова. Что бы ни произошло, я останусь верной семье. Семье и Великой Бразилии.

— Семья ценит всё, что вы для нее сделали, — сказал Арвам Пейшоту. — К сожалению, в ее рядах нет единства относительно того, как поступить с дальними. Существует два лагеря. Как минимум два. Да, мы говорили об этом неоднократно. Но отныне это не абстрактная теория. А самая

что ни на есть реальность, профессор-доктор. И вы в гуще событий. Ничего не изменишь. Вам придется принять чью-то сторону. Рано или поздно. Сделаете неправильный выбор — и, боюсь, ни плоды ваших трудов, ни ваша репутация не спасут от последствий.

— Понимаю. Это всё?

В ушах у Шри слегка звенело, плотно сжатые ладони, лежащие на коленях, неприятно вспотели — в остальном же она была абсолютно спокойна.

— У меня для вас подарок, — произнес генерал, после чего достал из-за своего сиденья плоскую деревянную коробку и вручил ее Шри.

Внутри поверх пары перчаток, отделанных сеточкой с тыльной стороны, лежали очки в толстой черной пластиковой оправе.

— Это спексы, — пояснил Арвам Пейшоту. — Дальние используют их вместо телефонов. При помощи виртуального света линзы проецируют изображения, текст и всякую всячину прямо на сетчатку глаза. Перчатки — виртуальные: можно набирать текст на виртуальной клавиатуре, передвигать виртуальные объекты... Не сомневаюсь, вы быстро с ними освоитесь. Прежде чем начнете меня благодарить, есть еще кое-что. Мои техники встроили сюда камеру и микрочип с высокой пропускной способностью и квантовым шифрованием. Можете загрузить на него простенький ИИ, разные программы. Увидите что-то интересное или окажетесь на особенно полезной встрече — запишите их для меня по возможности. Уверен, вы знаете, что привлечет мое внимание.

Шри тут же смекнула, о чем речь. Семья Пейшоту отправляла в Радужный Мост делегацию для ведения переговоров, но коль скоро Арвам Пейшоту не поддерживал идею примирения с дальними, он оставался за бортом. Вот генерал и просил Шри стать его шпионом, собирать данные для его аналитиков и стратегов. Информацию из первых рук — всё, как он предпочитал.

— У вас будет предостаточно времени обдумать мое предложение, пока вы летите на Каллисто, — сказал Арвам

Пейшоту. — Ну а когда вернетесь, я надеюсь так или иначе получить ответ. И бон вояж, как сказали бы европейцы.

Когда Шри вернулась в свой лимузин, Альдер поинтересовался, не грозят ли ей неприятности.

— Пока нет, — ответила Шри и попросила секретаря поторопить водителя. — У меня много работы.

4

Прошло много времени, прежде чем Мэси Миннот поверила, что смерть Эммануэля Варго стала первой потерей на войне. А когда она только услышала о гибели главного инженера экосистемы, то сочла произошедшее всего-навсего невезением. Нелепый сбой в медицинской программе. Несчастный случай. Ничего зловещего.

Эммануэль Варго, как и все остальные члены строительного отряда, включая Мэси, провел в глубокой искусственной гибернации двенадцать недель, которые заняло путешествие от Земли до Юпитера. Под действием специальных препаратов, замороженный в криокапсуле, он потреблял минимум кислорода и воды, пока бразильское грузовое судно преодолело восемьсот миллионов километров залитого солнечным светом черного вакуума. Когда корабль прибыл на орбиту Каллисто — наиболее удаленного от Юпитера галилеева спутника, — а гибернационные капсулы пассажиров первого класса и грузовые контейнеры перегрузили на межорбитальный транспортный аппарат, направляющийся в порт — загроможденную плиту, установленную на консольных балках над пыльной равниной к западу от Радужного Моста, — Эммануэль Варго все еще спал. Транспортник приземлился на выжженную посадочную полосу с грациозностью бегемота, исполняющего балетную партию. Передвижной кран снял с креплений контейнер размером с грузовик, в котором находились гибернационные капсулы, и отвез его в герметичный ангар. Там капсулы одну за другой извлекли, поставили на грузовые тележки и по подземным туннелям вывезли

в медицинский блок на окраине космопорта. Именно там Эммануэль Варго начал просыпаться — там он и скончался.

Собственно, выход из состояния гибернации представлял собой рутинную операцию. Для большинства единственными последствиями оказывались уменьшившийся в размерах желудок, запоры и экзистенциальное похмелье. Но, как и в любой медицинской процедуре, здесь имелись свои риски: психоневрологические расстройства, полиорганная недостаточность, нарушение метаболизма. После того как внутреннюю температуру тела Эммануэля Варго постепенно довели до тридцати семи с половиной градусов Цельсия, нормализовали состав крови и ввели коктейль из стимуляторов ГАМК-рецепторов, у него случился приступ полной рассинхронизации нейронной активности. Вместо того чтобы спонтанно и быстро перейти в режим динамической мультилокусной активности, его нейроны принялись асинхронно передавать сигналы на очень большой скорости, в результате чего нарушились сознание, координация дыхания, сердечного ритма и кровяного давления.

Обычно пострадавшие от нейронной рассинхронизации оставались живы, но у них наблюдались потеря памяти и афазии разной степени тяжести. Однако случай Эммануэля Варго оказался исключительно тяжелым. Электрохимическая активность мозга выглядела абсолютно хаотичной. Команда медиков попыталась восстановить синхронизацию при помощи микротоновой импульсной магнитотерапии, но безуспешно. Давление упало, сердце остановилось — не помогли ни дефибрилляция, ни инъекция норадреналина, ни прямой массаж сердца. Пока его подключали к системе искусственного кровообращения, у Варго случились клонические судороги. За первым приступом последовало еще два. После третьего активность клеток мозга прекратилась. Спустя тридцать минут врачи констатировали смерть мозга и отключили систему жизнеобеспечения.

Эммануэль Варго был одной из ключевых фигур проекта по постройке биома в Радужном Мосту на Каллисто. Проекта, который являлся символом кооперации и примирения между Землей и Внешней системой, значительным шагом

вперед в длительной кампании, призванной разрядить напряжение между ультраконсервативной позицией зеленого движения и множеством радикальных доктрин, утопических философских взглядов городов-государств и поселений во Внешней системе. Знаменитый гений генетики из Внешней системы Авернус использовала свои громадные запасы кармы, чтобы продвинуть строительство биома, а Максимилиан Пейшоту и экопроповедник Оскар Финнеган Рамос убедили бразильское правительство выделить средства на разработку и воссоздание экосистемы. Хотя во главе команды поставили прапраправнука экопроповедника Эуклидеса Пейшоту, ответственным за планирование и организацию работ был Эммануэль Варго. Дизайном экосистемы он занимался в сотрудничестве с протеже Оскара Финнегана Рамоса — Шри Хон-Оуэн, во время строительства тента биома та поддерживала связи с командой Каллисто. Именно Эммануэлю предстояло отвечать за разработку и воссоздание экосистемы и руководить процессом от начала и до конца.

Эуклидес Пейшоту упомянул обо всем этом, как и о многом другом, в краткой речи через два дня после смерти Варго на церемонии, посвященной официальному началу работы строительного отряда. Мероприятие проходило на широкой лужайке на северной оконечности центрального острова биома. Эуклидес стоял на трибуне, позади него протянулась пустая котловина озера, над которой возвышался гигантский купол из алмазных и полимерных панелей и фуллереновых опор. Гости — среди них посол Бразилии и свита из его помощников, члены торговой миссии семьи Пейшоту, разномастная толпа представителей конгресса Каллисто и муниципалитета Радужного Моста, строительный отряд — полумесяцем расположились на складных стульях перед Эуклидесом. Стайка беспилотников, зависших на разной высоте, транслировала церемонию для жителей Радужного Моста и других городов и поселений на Каллисто, Ганимеде и Европе, а также в шахтерских поселках на далеких крошечных Гималие и Эларе.

Мэси Миннот сидела среди остальных членов команды. Приходилось признать, что Эуклидес Пейшоту очень даже